

Искусство военного врача Цюя и впрямь оправдывало громкую славу. Благодаря его уникальному «золотому пластырю» и притираниям, которые накладывали трижды в день, Ли Цюань уже через трое суток смог подняться с постели.

— В нашем караульном полку у каждого жизнь копейная, — говаривал десятник Чжао, невольно приписывая и себя к этой категории. — Нас куда ни брось — сами выкарабкаемся!

Ли Цюаню, слушая это, очень хотелось возразить: за эти дни он изрядно осунулся, а лицо его приобрело нездоровый желтоватый оттенок. Впрочем, те, кто был в курсе дела, знали — немощный вид парня был результатом чрезмерной «заботы» генерала.

В первый же день Фань Ло самолично явился в шатер с тазом воды. Не говоря ни слова, он откинул тонкое одеяло, обнажив истерзанную плоть Ли Цюаня, и принялся методично промывать раны влажной тканью.

— Ох! — вскрикнул малый, пытаясь отстраниться. — Генерал! Ваше превосходительство, не стоит! Я сам, я всё сам!

Но Фань Ло лишь раздраженно посмотрел на него и одним движением, тяжелым, как обвал в горах, прижал парня к койке, не давая и шелохнуться.

Стоит признать, движения генерала были на удивление бережными. Однако когда его длинные пальцы, густо смазанные мазью, коснулись самого чувствительного места, осторожно втирая снадобье, Ли Цюань весь одеревенел. Глухо застонав, он не сумел сдержаться — и передняя часть его исподнего мгновенно намокла.

Пылая от стыда, он уставился на генерала. Тот же сохранял на лице полное непонимание, словно и не подозревал, какую реакцию вызвали его действия. Пальцы Фань Ло не дрогнули и не остановились.

— Раны превыше всего, — коротко бросил он.

В тот миг Ли Цюань чувствовал, что небо молчит, а земля не слышит его мольбы...

Позже генерал принес горький отвар, который старина Цюй готовил лично. В первый день, поскольку Ли Цюань мог только лежать на животе, Фань Ло кормил его с ложечки. Половина снадобья пролилась мимо, так что и вторая часть постели вскоре оказалась безнадежно испорчена.

Для Ли Цюаня это, впрочем, было еще полбеды. Настоящие трудности начались на следующий день, когда он нашел в себе силы сесть и выпить всю чашу залпом.

В израненном месте внезапно возникло странное чувство, будто тысячи муравьев принялись

методично обглаживать плоть. Зуд нарастал, становясь невыносимым, и, казалось, проникал в самые кости.

— Генерал... чешется... — Ли Цюань, побагровев, извивался на свежих простынях, едва не скатываясь с лежака.

Фань Ло бесстрастно посмотрел на него. Не тратя слов на утешения, он взял ленту, которой Ли Цюань обычно подвязывал волосы, и ловко связал ему руки перед собой. А затем, выудив откуда-то мягкую деревянную пробку, плотно заткнул ею зудящий проход.

— Генерал! Генерал! — вопил Ли Цюань, тщетно пытаясь освободиться. — Что же вы творите?!

Генерал молча лег рядом на ту же кровать и перед сном лишь сухо обронил:

— Указание врача.

Больше он не издал ни звука, оставив парня мучиться от тихих стонов в своих объятиях.

Разумеется, Ли Цюань понимал: столь быстрое исцеление — заслуга семейного секрета Цюя. Где порвано, где лопнуло — там и зудит: верный признак того, что плоть начинает нарастать. Но такие испытания вымотали бы и человека из стали.

Поэтому на третий день, когда он наконец покинул генеральский шатер и вернулся в расположение гвардейцев, Ли Цюань чувствовал себя так, словно тучи разошлись и явилось солнце.

— Что, жаль расставаться с красавицей? — десятник Чжао, как обычно, не лез за словом в карман. Пока гвардейцы сворачивали лагерь, он ворчал: — Ючжоу... говорят, там места знатные, горы да воды. Дичи, небось, навалом. Парень, как в лес выберемся, добудь-ка себе дикого кабана.

— Десятник Чжао, зачем кабан? В обозе свинина есть, — бесхитростно ответил Ли Цюань.

Чжао Сы отвесил ему подзатыльник и с сальной ухмылкой пояснил:

— Дурень ты этакий! Для тебя же стараюсь. Ешь побольше свиных почек — тебе сейчас ой как полезно силы восстанавливать!

Ли Цюань, и без того смуглый, тут же густо покраснел.

Марш в этот раз был дерзким. Армия, усмиряющая дальние земли, не стала возвращаться в

пределы Великой Цзинь, а двинулась вдоль границы земель Западных варваров, намереваясь пересечь пески Западных холмов и выйти напрямиком к уезду Цюнью в Ючжоу.

Дорога была тяжелой, трясло нещадно. Ли Цюань поначалу старался не подавать виду: облачившись в легкий доспех и повесив за спину Лук Небесного Волка, он послушно следовал за лошадью генерала.

Время от времени Фань Ло оборачивался, пристально разглядывая своего бледного охранника. Тот всякий раз выпрямлял спину и глуповато улыбался, после чего генерал возвращался к дороге, ничего не говоря.

Ли Цюань понимал: на солнцепеке его прошибал холодный пот. Военный врач Цюй еще утром предупреждал, что раны не затянулись до конца, а жар только-только спал — нельзя себя изнурять.

Но Ли Цюань пропустил эти слова мимо ушей. В армии ранения — дело житейское, к чему эти нежности? Он ведь не девица на выданье. К тому же он тешил себя надеждой, что об их истинных отношениях с генералом знает лишь пара человек. Если выставить это напоказ перед всеми братьями по оружию, от его мужской гордости не останется и следа.

Мужественно снося страдания, он держался до последнего. Но когда перед глазами всё поплыло, а пейзаж начал вращаться, чья-то рука мягко легла ему на плечо. Ноги Ли Цюаня подкосились, и он едва не рухнул в дорожную пыль.

К счастью, незнакомец поддержал его. Рука была изящной и белой, но хватка — на удивление крепкой и уверенной.

Облегченно выдохнув, Ли Цюань обернулся, чтобы поблагодарить спасителя, и в нос ему ударил тонкий аромат. Перед ним стоял господин Фэн, слуга из шатра военного советника. Тот склонил голову набок и весело посмотрел на него.

— Брат Ли, будьте осторожнее, — мягко проговорил он.

Бай Фэн был ниже Ли Цюаня на полголовы и выглядел таким хрупким, что, казалось, упадет от порыва ветра. Видя, как этот изящный юноша легко удерживает его обмякшее тело, Ли Цюань снова залился краской — теперь уже от стыда.

Фэн-эр, заметив его замешательство, лишь улыбнулся:

— Наш господин просит вас зайти к нему в карету для беседы.

— А? — удивился Ли Цюань. — Зачем я понадобился военному советнику?

Красавец прикрыл рот ладонью, лукаво взглянув на него:

— Придете — и сами всё узнаете.

Делать было нечего. Бедный солдат, хлопая глазами, поплелся за юношей в хвост центральной колонны. Там располагалась карета советника — огромная, запряженная пятью статными конями, скорее напоминавшая передвижной шатер, чем повозку.

Ли Цюань вошел внутрь, но к его удивлению, военного советника Фана там не оказалось.

Пока он оглядывался, Бай Фэн легонько подтолкнул его в спину, и Ли Цюань, чьи ноги всё еще были ватными, кубарем полетел на мягкие подушки.

— Господин... господин Фэн? — опешил малый, глядя, как юноша входит следом и плотно задерживает полог.

Бай Фэн, видя его растерянность, не выдержал и прыснул со смеху:

— Простите мне мою грубость, брат Ли. Вы... с вашим «тем самым местом» всё в порядке?

Ли Цюань не сразу понял, о чем речь. Но когда Фэн-эр многозначительно посмотрел ниже его пояса, лицо его вспыхнуло, как маков цвет.

Юноша, ничуть не смутившись, понимающе кивнул:

— Отдохните здесь сегодня хорошенько. Я передам генералу, что вы охраняете моего господина.

С этими словами он зажег благовония с ароматом сандала, навевающим сон.

— Но разве так можно? — пробормотал Ли Цюань, однако тело его, коснувшись мягкой перины, уже не желало шевелиться. — А где же военный советник Фан?

— Господин снова уехал проверять лагерь верхом, а других слуг я отослал. Отдыхайте спокойно.

— Советник... уехал проверять лагерь?

Ли Цюань выглядел настолько ошарашенным, что Бай Фэн невольно вздохнул:

— Не смотрите, что господин кажется легкомысленным. На самом деле он искренне желает преуспеть в должности военного советника. Иначе зачем бы ему бросать роскошную жизнь в столице и ехать сюда, в эту глушь, терпеть лишения?

Ли Цюаню нечего было возразить. Впрочем, одного желания часто бывает мало.

— На самом деле наш господин куда лучше прочих столичных хлыщей. По крайней мере, он понимает, чего сам стоит, — продолжал Бай Фэн своим певучим голосом. — Он часто говорит: те, кто вьется вокруг него — лишь прихлебатели. Не будь он сыном военного министра, для них он был бы хуже бродячей собаки.

Юноша подпер щеку рукой, глядя на Ли Цюаня с грустной улыбкой:

— Он признает, что он — лишь «золото снаружи, да гниль внутри». И что я... полная его противоположность...

В ту минуту Ли Цюаня, разнеженного запахом благовоний, посетила мысль, что военный советник Фан, должно быть, и впрямь человек неплохой.

— Хе-хе, в каждом из нас, верно, живет капля слабости. Когда он это сказал, мое сердце дрогнуло... Ведь Фэн-эр — всего лишь продажный мальчишка, разве я достоин таких слов? — Красавец опустил глаза, пряча свои чувства.

— Тогда почему он не выкупит тебя? — Сонная одурь притупила осторожность Ли Цюаня, и он с искренним беспокойством спросил: — Господин Фэн, почему советник не вызовет тебя из этого омота?

— Потому что он... не властен это сделать.

— Почему?

— Потому что... — Юноша поднял голову, и в его взгляде читалась странная отрешенность. — Брат Ли, вы знаете, что в столице есть такой «реестр подлых людей», на котором стоит императорская печать?

Видя недоумение на лице солдата, Бай Фэн терпеливо пояснил:

— Те, кто отмечен этой печатью — совершили преступление против самого Неба. Если государь повелел кому-то стать нищим, то ни он сам, ни его дети, ни внуки — пока стоит Великая Цзинь — не смогут стать землепашцами, купцами, солдатами или чиновниками. Никогда. Всё, что им дозволено — это просить милостыню на дорогах.

— А если государь велел кому-то заниматься проституцией? Тогда его потомки во веки веков будут торговать телом, не смея ни отказать гостю, ни выбрать его, ни выкупить свободу... — Юноша замолчал, поправляя курильницу. — Если бы господин не взял меня с собой, в армию, прочь из столичного вертепа... Я по гроб жизни буду благодарен ему за это.

Бай Фэн говорил мягко, с той же чарующей улыбкой, но Ли Цюаню стало не по себе. Казнь, обрекающая на позор целые поколения — это было слишком жестоко.

— Но... какое же преступление вы совершили? Сколько же вам было лет?!

Бай Фэн на мгновение задумался, а затем снова улыбнулся:

— Брат Ли, вы слышали о «деле мятежного маркиза», которое десять лет назад всколыхнуло сотни чиновников?

— Мятежный маркиз?

— Да. Заместитель министра чинов вместе с сотней других мужей подал петицию. Десять тысяч слов, написанных кровью, обличали некоего человека в том, что он сеет смуту при дворе, обманывает народ и лелеет волчьи амбиции... — Фэн-эр снова замолк.

— И что потом? — Ли Цюань подался вперед от любопытства. — Кто был этот человек?

— Потом? — Бай Фэн легко сдул пепел с благовоний. — Потом заместителя министра казнили через расчленение за клевету на верного слугу трона. Всех его родичей до девятого колена старше десяти лет обезглавили. А тех, кто был младше десяти — внесли в списки «подлых людей». Остальных же чиновников просто лишили жалования на год да оштрафовали.

— Ох... — Ли Цюань раскрыл рот, не веря своим ушам. — На кого же они посмели донести, что расправа была столь свирепой?

Бай Фэн медленно перевел взгляд на Ли Цюаня. Он безжизненно улыбнулся.

— На перебежчика из Западных варваров, на бога войны, защищающего государство... — тихо произнес он. — На Маркиза, усмиряющего дальние земли, Фань Ина.

Ли Цюань мгновенно вскочил. Он замер в карете на одном колене, готовый к броску, а его рука инстинктивно сжала рукоять кинжала, спрятанного у щиколотки. Он тяжело дышал, яростно и настороженно глядя на юношу, сидевшего перед ним.

<http://bllate.org/book/17414/1658208>